

парень! Там, под маской... У тебя же там лицо есть! Ты просто послушай...» [Глуховский 2013: URL].

Таким образом, квазиноминация в романе Д. Глуховского «Будущее» играет важную роль. Во-первых, для неё характерна функция подмены понятия, одним из проявлений или этапов которой выступает смена оценок (что, в частности, произошло и в русском языке в 90-е г.г. XX века). Другая традиционная функция квазиноминации – проявление власти – у Д. Глуховского имеет свои особенности. Собирательное имя всему своему роду человек, победивший смерть, даёт себе сам, тем самым утверждая свободу и независимость от Бога. Однако его личное имя могут отнять на время, заменив номером. «Хозяева новой жизни» прекрасно осознают, что Имя равно человеческой личности. Квазиимья (личный номер или псевдоним) – абсолютный синоним маски, сорвать её – означает вернуть себе имя и стать по-настоящему свободным.

Литература

Глуховский Д. Будущее. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=21740&p=1 (дата обращения: 22.10.2017).

Лосев А. Ф. Философия имени // Самое само: Сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_im/ (дата обращения: 26.10.2017).

УДК 821.161.1-31
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-44

А.В. Голикова

*(Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия)*

**«ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ» В.Г. РАСПУТИНА КАК ПРЕ-ТЕКСТ
«ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ» Р.В. СЕНЧИНА**

Аннотация. В статье проанализированы интертекстуальные связи повести В.Г. Распутина и романа Р.В. Сенчина. Внимание автора статьи сосредоточено на сопоставлении символики заглавий произведений, системе образов, идейном наполнении текстов с

углубленным исследованием художественных деталей и композиционных особенностей.

Ключевые слова: интертекстуальность, русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные образы.

Интертекстуальность – это текстовая категория, отражающая соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения. Интертекстуальность у Романа Сенчина – разовое явление, которое соотносимо только с его романом «Зона затопления» (2015), поэтому говорить об интертекстуальности как характеристике всего творчества писателя представляется неуместным. Интертекст в его романе следует рассматривать в плане общего замысла произведения и в плане отношения к литературе и традициям.

Для Сенчина как автора интертекстуальность – это сознательная стратегия, целью которой в романе «Зона затопления» является поддержание памяти о прошлом, стремление противостоять попыткам уйти от прошлого, скрыть его или прервать национальные традиции.

Пре-текстом «Зоны затопления» является повесть «Прощание с Матёрой» (1976) В.Г. Распутина – русского писателя, публициста и представителя направления «деревенской прозы». Установить, что пре-текстом является именно эта повесть, несложно, благодаря тому, что сам Сенчин посвящает свою книгу именно Валентину Григорьевичу Распутину, используя эксплицитную форму отсылки к другому тексту. А вот с какой целью делает это Сенчин, отвечает исследователь Н.Б. Иванова: «Новый писатель, уже двадцать первого века, обращается назад – и не для того чтобы отличаться от него, а за поддержкой» [Иванова: URL].

Читатель романа в свою очередь должен обратиться к тексту-первоисточнику, так как Сенчин хотел подчеркнуть своим произведением актуальность поднятой им темы – переселение деревень из зоны, которая будет затоплена по причине запуска гидроэлектростанции. Автору важно показать, что так было в 80-е годы, и то же происходит в 2009.

Семантика названия в романе «Зона затопления» Сенчина раскрывается при помощи интертекстуальности, которую автор заимствовал из повести «Прощание с Матёрой» Распутина. [Распутин 2017: 334]. Это название символично, так как именно им автор подчеркивает безнадежность положения жителей деревень, вынужденных уехать из-за строительства новой гидроэлектростанции. А у Распутина название повести говорит не только о прощании с островом Матёрой, но и с Матёрой как символом матери-земли, своего рода моделью всей земли, а ее уход равносителен концу света. В самом названии автор выражает надежду на то, что люди будут с уважением относиться к земле и беречь ее, он стремится показать, что у тех людей, которые утрачивают такие нравственные качества, нарушаются и жизненные ориентиры. Сенчину как писателю, продолжившему эту тему, важно обратить внимание на проблему затопления деревень, и спустя несколько десятилетий, показать всю безнадежность сложившейся ситуации из-за строительства гидроэлектростанции, именно поэтому он дает такое название своему роману – «Зона затопления».

Основа повествования «Зоны затопления» и «Прощания с Матёрой» одинакова: старинные русские деревни, в которых живут несколько семей, должны быть затоплены вследствие запуска новой гидроэлектростанции (у Распутина – Братской, а у Сенчина – Богучанской), а на их месте будет образовано водохранилище. Однако если повесть Распутина не отличается сюжетной динамикой и автору важно показать жизнь человеческой души на примере трех поколений одной семьи (Дарья – Павел – Андрей), то сюжет романа «Зона затопления» казуистический, так как повествование ведется о нескольких деревнях (Большаково, Пылёво), а некоторые герои повествования связаны только общей темой затопления деревни.

Отсылка к «Прощанию с Матёрой» есть не только в посвящении Распутину, но и в главке-новелле «На новом месте», где Алексей Брюханов говорит о Распутине и его книге: «Читал и поражался: как после нее, так зримо показавшей ту уже давнюю трагедию, такая же трагедия может повториться? И

чем объяснить, что, с одной стороны, этому писателю именно за эту книгу продолжают давать государственные премии, называть его нашей совестью, а с другой – строить новую, но точно такую же электростанцию, водохранилище которой уничтожит еще несколько деревень, а их жителей превратит из хозяев в унылых квартирантов?.. <...> В школе учительница часто повторяла: "Литература учит. Учит, как надо, а как не надо, что хорошо, что плохо". Да, может, и учит, да толку-то...» [Сенчин 2015: 204].

Хронотоп произведений различен: в «Прощании с Матерой» – 1980-е гг., деревня Матёра и строительство Братской гидроэлектростанции, а в «Зоне Затопления» – 2000-е гг., деревни Пылёво, Большаково и строительство Богучанской гидроэлектростанции. Несмотря на это, люди имеют все те же нравственные ценности и говорят о памяти народа: «У кого нет памяти, у того нет жизни» [Распутин 2017: 490]. Сенчину важно показать, что время идет, а жизнь в деревнях, которые вскоре затопят, так и не изменилась: «Уже три десятилетия сидели на чемоданах, ждали переселения» [Сенчин 2015: 57].

В своем романе Сенчин показывает не только злободневность темы и ее актуальность, несмотря на повесть «Прощание с Матёрой», но и то, как изменилась деревня. А показать это ему удалось благодаря созданным образам. Помимо старшего поколения, живущего в деревнях, в «Зоне затопления» появляется и молодежь. В частности, автор показывает нам, что и в деревнях начала 21 века живут люди, занимающиеся бизнесом. Это и Люба Гришина, у которой свой магазин недалеко от колонии, и Александр и Дмитрий Масляковы, содержащие лесопилку. А описание представителя молодого поколения романа: «...самый молодой из пришедших, Коля Крикау, в позапрошлом году вернувшийся из армии и теперь все думающий, что ему делать: ехать ли куда-нибудь, и, если ехать, куда» [Сенчин 2015: 220], – отсылает к тексту Распутина, в котором у Андрея, младшего сына Павла, такая же судьба. Автору важно показать, что, несмотря на прошедшее время, судьба жителей, населяющих эти деревни, до сих пор не изменилась, деревня живет все по тем же законам. Следует

отметить, что у Сенчина уходит на задний план образ старухи как хранительницы традиций и национальной памяти, связующего звена между поколениями.

Сенчин заимствует из «Прощания с Матёрой» и самое важное для жителей деревни: символ памяти о близких, связь между поколениями. Таким символом в обоих произведениях выступает кладбище, которое ценно как для героев повести Распутина, так и для героев «Зоны затопления». В романе Сенчина приводится описание расположения кладбища: «Кладбище на пологом, долгим увале. Песок, высокие сосны, а среди них – могилки» [Сенчин 2015: 18], что отсылает к «Прощанию с Матёрой», где кладбище было расположено на песчаном возвысье, среди деревьев. Но заимствуется не только расположение кладбища, но и своего рода эксгумация умерших, и если для жителей Матёры становится невозможным перенос кладбища, то в «Зоне затопления» председатель деревни Ткачук и Брюханов решаются на этот страшный шаг.

Обращается к символике «Прощания с Матёрой» Сенчин и в главе «В чужую землю» романа «Зоны затопления», где описывается смерть Натальи Сергеевны. Там жители деревни, так как давно в этих местах уже никто не умирал, вспоминали обычаи похорон, и произошел следующий разговор:

- «– Окна нельзя открывать!.. Травы надо положить!
- Какую траву-то кладут?..
- Чабрец, помню... Помните, тётъ Тоне чабрец клали.
- Не забыть кого-нибудь за пихтой послать! Пускай наломают...» [Сенчин 2015: 17]

Для жителей деревни пихта является символом памяти и своего рода заботы. Так, в повести «Прощание с Матёрой» Дарья решила привести свою избу в порядок перед поджогом, словно покойника перед захоронением, но столкнулась с трудностью: «И чего не хватало еще, ей тоже сказалося. Она взглянула в передний угол, в один и другой, и догадалась, что там должны быть ветки пихты. И над окнами тоже. Верно, как можно без пихтача?» [Распутин 2017: 504]. Сенчин пишет именно о пихте, потому что у Распутина – это символ памяти.

Однако символику царского лиственя как природного корня жизни и хозяина Матёры, как силу самой природы Сенчин не упоминает в своем романе.

Дитя земли – картофель выступает символом жизни. Так, Сенчин в своем романе говорит о картошке, которая «уже много лет была основным заработком местных. Перед шугой проходила по реке баржа и скупала картошку» [Сенчин 2015: 17]. Но этот эпизод также отсылает к «Прощанию с Матёрой»: «Многих выручила неожиданно подчалившая к берегу самоходная баржа, с которой закупали картошку...» [Распутин 2017: 482].

Как и в «Прощании с Матёрой», в романе «Зона затопления» константой является мотив смерти. Сенчин делает отсылку к повести Распутина даже в главе-рассказе «В чужую землю», что также отсылает читателя к пре-тексту «В ту же землю», написанному Распутиным. Роман начинается с одинокой, естественной, без насилия смерти Натальи Сергеевны, которая жила одна и лишь изредка к ней приезжала дочь. Смертью книга и заканчивается, однако умирает уже не конкретный человек. Валентина Логинова и Игнатий Андреевич Улаев с внуком Никиткой пошли на кладбище, куда в целлофановых пакетах вывезли переселенцев и захоронили. Однако, несмотря на то, что этот город не должен был быть затоплен, пошла вода; сначала заполняется водохранилище, и читателю непонятно, то ли прорывает плотину, то ли просто спускают воду. Вода идет в сторону кладбища, топит могилы, но не умершие в могилах тонут, а живые. Сенчин словно говорит, что мы с тобой, читатель, тонем, только вот переселять нас уже некуда. Потому что вся наша страна – это зона затопления: от Калининграда до Владивостока и от Мурманска до Ялты идет вода, которая топит страну.

И даже финал «Зоны затопления» отсылает нас к «Прощанию с Матёрой», где барак Богодула, в котором остались в последнюю ночь Дарья, Настасья, Богодул, Сима, становится своего рода Ноевым ковчегом и является библейской реминисценцией к Всемирному потопу [Русская литература... 2009: 326].

И если у Распутина вода изображена в виде больших и лохматых туч [Распутин 2017: 534], то у Сенчина в «Зоне затопления» этот образ усиливается и становится щупальцами неведомого организма: «Медленно, тяжело, тратя силы и время на то, чтобы промочить, напитать сухую почву. Концы этих щупальцев словно проваливались в землю, делая ее, серовато-коричневую, почти черной, но через несколько секунд новый толчок огромного организма двигал щупальце дальше» [Сенчин 2015: 378].

Таким образом, интертекстуальность в романе Сенчина «Зона затопления» – разовое явление, которое заключается в эксплицитных и имплицитных отсылках к повести Распутина «Прощание с Матёрой», которые являются сознательной стратегией автора. Интертекст использован с целью показать актуальность темы и её злободневность сегодня. Автор обращается к теме памяти, стремясь противостоять попыткам уйти от прошлого, скрыть его или прервать национальные традиции.

Литература

Иванова Н. И. Трудно первые десять лет. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/1/iv16-pr.html> (дата обращения: 15.11.2017).

Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта, Наука, 2011.

Распутин В. Г. Прощание с Матерой. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017.

Русская литература XX – начала XXI века : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений : в 2 т. Т. 2. 1950–2000-е годы / под ред. Л. П. Кременцова. М. : «Академия», 2009.

Сенчин Р. В. Зона затопления. М. : АСТ : ред. Е. Шубиной, 2015.